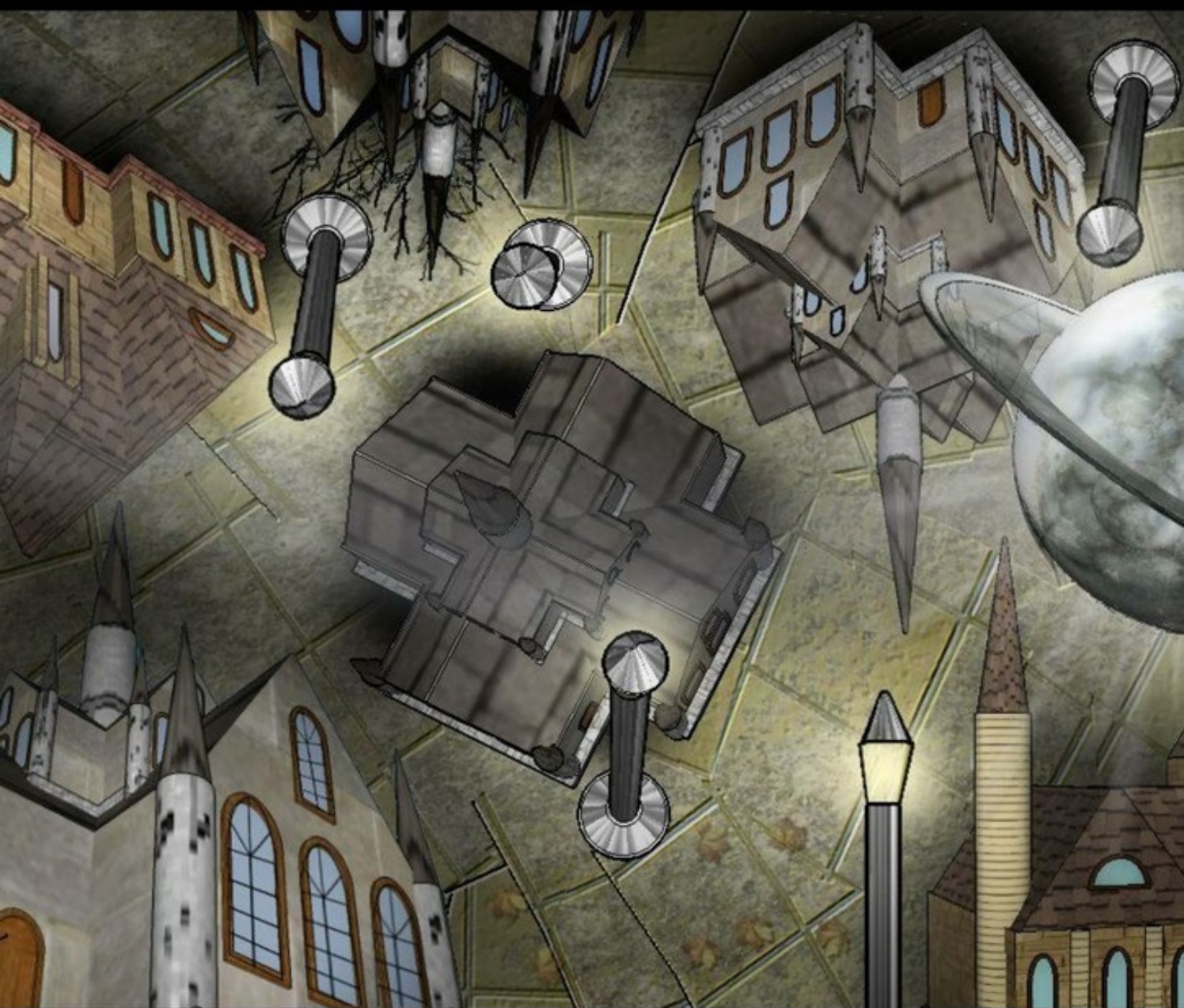

Александр Карнишин
На самом деле

Александр Карнишин

На самом деле

«Издательские решения»

Карнишин А.

На самом деле / А. Карнишин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839722-6

Сборник фантастических, почти фантастических и совсем не фантастических рассказов о том, что на самом деле все совсем не так, как в действительности

ISBN 978-5-44-839722-6

© Карнишин А.
© Издательские решения

Содержание

На самом деле	6
Магазинчик у обочины	8
Авария	11
Ненадежный	16
Пышки	19
Дело на миллион	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

На самом деле

Александр Карнишин

*В действительности все иначе, чем на самом деле.
Антуан де Сент-Экзюпери*

Дизайнер обложки Мария Фомальгаут

© Александр Карнишин, 2017

© Мария Фомальгаут, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9722-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На самом деле

Лифт гроыхнул, вздрогнул и остановился. Со скрипом разошлись двери.

Петр сделал, было, шаг вперед. Нет, это был не первый этаж. Это просто перехватили по пути. Перед лифтом стояла симпатичная девушка в черном кожаном плаще и черном же берете, натянутом на лоб до самых бровей.

Петр молча кивнул – поздоровался с незнакомкой, сделал шаг назад и приглашающе махнул рукой.

Она внимательно проследила за его манипуляциями: ей было понятно, что на самом деле разговаривать он не хочет, что едет вниз и приглашает ехать с ним, и еще по движению правой щеки было ясно, что целоваться он с ней не собирается.

Она вошла и стала в углу, у зеркала. Лифт крякнул, скрипнул и снова пошел вниз, набирая скорость.

– А у нас кошка умерла сегодня. Пятнадцать лет, старенькая уже. Я ее с самого детства помню, – сказала она, глядя на себя в зеркало.

Петр понял, что на самом деле она смотрела новости и знает о сегодняшних событиях. И еще понял, что она его приглашает, и что говорит, что ей уже больше восемнадцати лет.

– Да, уж, – ответил он, смотря задумчиво на лампочку на потолке.

Она поняла, что на самом деле он хорошо ее понял, сочувствует, хочет зайти, но не прямо сейчас.

– Вот так, – грустно сказала она.

Петр тоже ощутил легкую грусть. «Sic transit...». То есть, на самом деле, или сейчас сразу, потому что дома у нее никого, или практически без вариантов потом. Он вздохнул и выпрямился, глядя прямо перед собой на дверь лифта.

«Без вариантов», – поняла она.

Лифт снова вздрогнул, останавливаясь, дверцы разошлись. Петр пропустил девушку вперед и вышел следом.

– Здравствуйте, – громко и отчетливо произнес он, смотря на свое отражение в темном окне комнаты консьержки.

И консьержка поняла, что ничего у них не было, и можно не гадать, как там эти двое ехали в лифте и не подглядывать дальше за ними. Она включила свет и закивала сквозь стекло с радужной беззубой улыбкой.

Девушка поняла, что на самом деле старуха смеется над ней, над молодой, которая так и не смогла за целых двадцать этажей уговорить такого симпатичного парня. Она скромно опустила голову, прикрыв глаза краем берета, и вышла на улицу.

Петр шел следом, до этого успев развести руками, показывая консьержке, что он в принципе – мужик хоть куда, и мог бы, конечно, но вот не срослось. Тем более, все равно – на работу.

На улице девушка остановилась, достала из кармана пачку сигарет, губами вынула из нее тонкую дамскую сигаретку, тут же щелкая зажигалкой, оказавшейся в другой руке.

Петр понял, что на самом деле она показала ему свою полную самостоятельность, не давая возможности предложить прикурить, и что она обычно сама выбирает, с кем гулять и когда.

Он кашлянул, глядя на зеленую траву на газоне.

– Во, погода какая!

Она поняла, что на самом деле он сказал, что вот такая погода – это как в апреле. И апрель – это ведь месяц любви. Но был уже декабрь, и это значило, что его слова надо было воспринимать лишь как попытку извиниться.

– Да, – сказала она. – Прямо весна.

Петр заулыбался. На самом деле она простила ему его сегодняшнюю занятость и намекнула, что весной, может быть, если оба к тому времени будут свободны, можно будет...

– Здравствуйте, – сказал, проходя, дворник в роскошном оранжевом комбинезоне.

Он нес на плече лопату, которую только что получил на складе. Лопата была большая и блестящая.

Девушка покраснела. Она поняла, что на самом деле дворник рассказал тот пошлый анекдот о парижском дворнике, сбивающем ритм всему кварталу.

– Хамишь? – спросил с угрозой Петр.

Он тоже хорошо понял, что на самом деле сказал дворник.

– Завтра снег, – сказал дворник. – Или даже сегодня к вечеру.

Они поняли, что на самом деле он признал свое хамство и попытался объяснить свое поведение работой и загруженностью – мол, не подумавши ляпнул.

– Скоро Новый год, – сказали они почти хором.

И улыбнулись друг другу. Потому что поняли, что на самом деле – скоро Новый год.

Магазинчик у обочины

Машка подрабатывала на этих каникулах. Подрабатывать было лень, но свои собственные деньги, за которые не надо было отчитываться перед родителями, перевешивали.

На работе ее звали совершенно отвратно – Манькой. Так начала называть Ирка, которая торговала за соседним прилавком всякими нужными и ненужными мелочами. А Машку поставили на продукты, которых тоже было – только самые необходимые. Стандартный магазинчик при дороге не мог давить ассортиментом, как всякие «пятерочки-шестерочки-магниты». Только самое необходимое. Сигареты, например. Или вот еще пиво в холодильнике.

Бывало, подваливал неспешно огромный двухэтажный экскурсионный автобус, и все пиво тут же уносилось крепкими загорелыми мужичками в его пахнущее кожей и гремящее музыкой нутро. Но чаще заходили какие-то замученные жизнью седоватые типы, вылезающие из побитых жизнью «жигулей» непонятного цвета. Они покупали хлеб и консервы. Всегда хлеб и консервы. Ну, иногда еще всякие сухие супы. Конечно, если бы магазинчик стоял на главной трассе... Но его хозяин на той трассе построил в короткий срок большую новую «стекляшку». А тут, на дороге местного значения, поставил старенький павильон на два прилавка друг напротив друга. Подвел электричество, за которое потом воевал с пожарными и с представителями облэнерго. Поставил страшненькую деревянную будку над глубокой ямой – туалет. Завел продавщиц, работающих посменно и не претендующих на большое и большее. Все. Осталось ему только подъезжать раз в день, «снимать кассу» и устраивать нагоняй, если что вдруг не так.

Сегодня все было, как обычно. То есть, тоскливо, серо и сонно. Ирка дремала, положив руки на свой прилавок, а голову – на руки. Машка, потосковав и даже попробовав почитать книжку – конечно, ничего не получилось, потому что кто же читает в каникулы? – пошла покурить на крыльцо. А что, раз покупателей нет – имеет полное право на перекур.

На улице стоял пасмурный июль. Вчера лило, как из ведра. А сегодня парило. Наверное, опять к дождю. Тут у них всегда так: если показывают в телевизоре, что вокруг везде стоит дикая жара, то у них – дождь, а если всех заливает, как в прошлом году было, то тут обязательно дикая сушь, и солнце, и синее небо – такое синее, что вверх просто не поглядеть. Сегодня было не жарко, а так, что в самый раз. Вот Машка и одета была так, по-летнему: шорты, топик, а сверху белый халат – она же «на продуктах».

Курить в одиночку тоже было скучно. Но Ирка не курила вообще, и даже пыталась что-то там говорить, типа, «воспитывать молодежь». За такое Машка запросто могла послать, кого угодно и куда угодно. Ирке она объяснила это. Вот теперь они немного вроде как бы в конфликте. И поговорить-то тянет, но – как? Поругались ведь. Опять же – покурить очень хочется.

Машка стояла на крыльце, опершись плечом о столб, отгоняла струйкой дыма редких, но ужасно назойливых и упрямых лесных комаров. Лес – вон он. Сразу за вырубкой начинается. Тут места вообще лесные – грибные и ягодные. Еще, бывает, рыбаки наезжают. Хорошие тут места, в общем. Только очень скучные. Ничего и никогда тут не происходит. И никогда уже не произойдет.

Машка курила и дико хотела в город. В настоящий большой город, не в этот, где жила.

А еще, как не стыдно бывает об этом подумать и самой признаться, она хотела принца. Черт с ним, с белым конем. Пусть даже на самом простом мотоцикле. Но чтобы принц был самостоятельный и без сильно вредных привычек. Она посмотрела на свою сигарету и кивнула сама себе – ладно, курить пусть ему будет можно. А больше – ни-ни. В общем, даешь принца, дорогое мироздание!

– Извините, пожалуйста, – вырвал ее из скуки и полудремы незнакомый голос.

Кстати, знакомых голосов было всего только два. Ирка, но она сейчас спала, и хозяин, но Варпет придет только к вечеру. Так что все остальные голоса – незнакомые.

– Ну? – сказала Машка, медленно и плавно поворачиваясь.

Это был ее коронный ответ на любой вопрос. Так, «нуканьем» своим, она доводила до кипения собственных родителей.

Даже быстро двигаться, как-то реагировать на неожиданность было скучно и лениво.

– А не подскажите, уважаемая сударыня, какое у нас сегодня число?

Машка стояла и только рот разевала от удивления. Здоровый такой дядька. Как подошел-то совсем бесшумно? И откуда такой? Бородатый, но еще молодой, вроде. Одет совсем не по погоде – какой-то длинный зимний ямщицкий, что ли, тулуп из черной овчины, шапка-ушанка, на ногах – валенки... Летом, блин – валенки! И рюкзак огромный за спиной. Такой здоровый, что даже над головой нависает.

– А? – глупо так ответила Машка.

Даже про «ну» забыла.

– Число, спрашиваю, какое сегодня?

– Так, это, девятнадцатое, значит...

– Ага, ага... А день недели не сообщите прохожему?

– Вторник, – уверенно ответила Машка.

Дядька отошел на пару шагов, аккуратно переступая валенками через лужи, потом повернулся всем телом – иначе с таким рюкзаком просто нельзя:

– А...

– Июнь, две тысячи двенадцатый, – опередила его вопрос Машка.

Он кивнул, но продолжал смотреть молча. Задумался, что ли?

Тут уж Машка не выдержала и выдала:

– Планета Земля, ноль двенадцать в тентуре, налево от Большой Медведицы...

Дядька улыбнулся, кивнул, поправил на плечах лямки рюкзака и шагнул через канаву в лес. Еще минута – и нет опять никого на дороге.

Машка бросила сигарету в лужу, зашла в магазинчик, растолкала Ирку, помирилась с ней по-быстрому, улыбнулась, и с жаром начала рассказывать про вот такое странное, которое случилось, не поверишь!

– А ты чо? – спрашивала Ирка. – А он – чо? А ты ему чо?

Потом постояла, обдумывая что-то и морща лоб, выскочила вдруг из-за прилавка и выбежала на крыльцо. Вернулась задумчивая и немного чем-то расстроенная, похоже.

– Ты чего, Ир? – осторожно спросила Машка. – Знакомый твой, что ли?

– Мань, ты конечно прости меня, дуру... Но ты – дура, – достаточно грубо ляпнула Ирка.

– Ты опять, что ли начинаешь?

– Земля, Мань, ноль тринадцать в тентуре, а не ноль двенадцать... Куда же ты его, блин, направила? В какую такую и растакую твою, блин, спираль?

Машка обиделась на нее и ушла в свой угол, к продуктам.

Ирка обиделась на ее обиду и села читать какую-то потрепанную книжку без первых страниц.

А Варпет, приехав вечером, был очень доволен порядком и дисциплиной. Но не доволен кассой.

– Э! – сказал он. – Работать лучше надо. А кто не хочет работать лучше – сами понимаете. Я сказал.

И уехал.

Ночью Машка смотрела в окно своей маленькой спальни в окраинном недавно построенном доме в небольшом районном городе. Тучи все к ночи раздуло. С краю узким серпом све-

тил месяц. А по всему небу блестели и перемигивались звезды. Таких звезд, она точно знала, в большом городе просто не бывает.

Звезды перемигивались. Сад за окном шумел. Где-то далеко лаяла собака. А Машка опять думала о принце. Пусть даже и не на мотоцикле. Пусть хоть пешком, с рюкзаком и с бородой. Но чтобы обязательно самостоятельный, и чтобы без сильно вредных привычек.

Перед сном она повторила несколько раз для памяти:

– Планета Земля, ноль тринадцать в тентуре, налево от Большой Медведицы.

И уснула с улыбкой.

И от той улыбки сон ее был легким и приятным, как и положено снам молодых девушек во время последних летних каникул.

Авария

Из протокола:

«Гражданин К., находясь в состоянии алкогольного опьянения средней тяжести, управлял принадлежащим ему автомобилем. Превысив допустимую на данном участке пути скорость, не справился с управлением. Автомобиль выехал на полосу встречного движения, пробил ограждение и упал в овраг. Все пассажиры автомобиля – несовершеннолетние ученики школы, в которой гражданин К. работал преподавателем, скончались на месте от полученных травм. Его самого спас пристегнутый ремень и подушка безопасности.»

Они всегда и везде ходили вчетвером. Созванивались, сговаривались – и везде четверо. Как четыре мушкетера у Дюма. Даже специально так себя сами называли. а за ними и остальные так стали говорить – «мушкетеры». Были они, как вот на этой фотографии, Атос, Портос, Арамис и, что немного странно, но даже и смешно как-то, Дубровский. Нет, никакого Д'Артаньяна у них не было. В книге он главный выходит. У них такого не было. Они были Атос, Портос, Арамис и Дубровский. Друзья, бывало, еще сокращали для удобства – Дуб. Но постороннему он мог и заехать прямо в лицо за такое сокращение. Ты уж или по имени, или по фамилии, как в школе. Ну, или, раз к компании отношение имеешь, или в тех же дворах живешь, так просто – Дубровский.

Вот парни всегда и везде вчетвером ходили. Никакой шпаны не боялись. Был как-то случай, когда на них напали какие-то из совсем другого квартала. Бандой такой, кодлой. Это с год назад было, что ли. Так отмахались, а потом еще и гнали пинками и с гиканьем до их дворов.

Атос с Арамисом – те в секцию каратэ при Доме Культуры записались еще два года назад. А восточные техники, сами понимаете – это вам не только физическая подготовка, но и внутренняя самодисциплина. Так они тогда сразу очень подтянулись и в плане учебы, и в поведении. Такие спокойные были, рассудительные, улыбчивые всегда.

Портос – он самый сильный и от того спокойный. Так часто бывает – сильные, когда свою силу понимают, они спокойнее относятся ко всему. Портос ходил на бокс. У него нос был сломан два раза. Это не на секции, это просто в драке. Ну, как теперь на улице, сами же знаете. Вот, парня побили пару раз крепко. А потом он пошел в бокс. Оказалось, что при всех его габаритах, есть хорошая выносливость. А еще – резкость в ударе. Осталось только технику нарастить. Прочили большое будущее. Тренер говорил, что надо переходить в школу олимпийского резерва. Вот, теперь уже нет никакого будущего...

Дуб? Ну, он среди них самый слабый был в учебе. Так, на троечку едва тянул. Потому еще могли свои сказать «Дуб». И секции или кружки – да, когда бы... Он в семье – один мужик. Мать, да их с сестрой двое. Вот на нем и держалось все. Жили на самой окраине. Огород – на нем. Свинью держали – тоже он все делал. Когда участки под картошку давали, так они всегда записывались. То есть, трудная жизнь, конечно. Не гламур, не как в кино. Но голодных у них в семье не было, а физический труд – он его поднимал так, что был Дуб даже покрупнее, пошире того же Портоса. Такой большой, немного сам в себе увалень. Спокойный и рассудительный. За это некоторые думали, что он дурачок, что ли. А он дурачком не был. Крепкий середняк в учебе. Если бы не хозяйство, так и в хорошисты бы вышел. Тем более, с такими друзьями. Теперь вот даже не знаю, как мать-то будет управляться одна. Сестре-то его всего десять лет.

Мы не богачи, совсем нет. Но для Кирилла – все условия. Книги, компьютер хороший, телефон новый, когда старый поломался... Я знала, что его мальчишки Атосом зовут. Так это же хорошо, когда такая дружба! И Атос, он по книге если – хороший. Правда? Приходили

ребята в гости, пили чай. Пироги им пекла. Вот Саша, ну они его Дубом называли, такой плотный мальчик, большой – он очень мои пироги любил. Всегда ел и нахваливал. Я ему и с собой давала всегда несколько, чтобы сестру угостил, да матери передал.

А еще Кирюша очень любил животных. Так и нес, то птенца в коробке, то щенка какого-то, то котенка. Покупать-то мы никогда не покупали. Он сам приносил. Сам и выкармливал всегда. Там, в комнате своей, держал. Я знаю, у многих проблемы с детьми. Не заставишь никак с собакой погулять или за кошкой убрать. То есть, брали для детей, а вышло, что отвечать все равно родителям. Так вот с Кирюшей у меня не было никаких проблем. Все сам, все сам. Выкармливал и выпускал. И снова приносил. У нас всегда в углу под батареей кто-нибудь пищал в клетке. Он был очень, очень добрый... Как нам теперь жить?

В детстве, в детском саду, его еще называли Алешей Поповичем. Потому что был он такой богатырь на общем фоне. Но не назовешь же Муромцем или еще кем – потому что он Алеша. Добрый-добрый. И самый большой. Потому что мы его правильно кормили с самого рождения. От себя отрывали, но ему – самое лучшее. Вот когда йогуртов не было нигде – помните время, да? – мы ему привозили, заказывали друзьям. Игрушки всякие покупали. Так он, знаете, какой любознательный был? Он все мог разобрать. Говорили нам тогда врачи, что вот эту мелкую моторику развивать надо, чтобы пальцы были ловкие. Ну, и к чему всякие там конструкторы, когда он у нас будильники разбирал до винтика! А как он потом запускал юлой всякие шестеренки...

В школе его все любили. Даже учителя. Он не отличник был – хорошист. Но спокойный и исполнительный.

Мой брат был самый лучший! Самый сильный! Теперь у меня совсем нет брата.

Нет, я про клички ничего не скажу. Некогда мне было смотреть, с кем он там компанию водит или какие клички получает. У меня работа. Скажешь ему, бывало:

– Володя, уроки...

А он в ответ:

– Уже выучил.

И, правда, выучил. В дневнике всегда пятерки и четверки. За олимпиады благодарности. Мы думали, он после школы в университет пойдет. А дальше – как сам уже настроится. Он же гуманитарий, весь в мать. Книжки читал разные. С языками у него тоже все было в порядке. В школе шел английский, так мы еще приглашали на дом учителя, и он давал немецкий. Потому что языки надо всякие сразу учить. Будущее у нас с Европой. Вот, чтобы мог понимать, объясняться.

Друзья? Да, я знаю... То есть, знал, что у него были друзья. Но к нам не приходили. Они все время где-то там во дворах собирались. Ну, теперь-то средства коммуникации такие, что не надо долго сговариваться. Созвонились быстро, конференцию провели, и вперед – на митинг. На встречу, то есть.

Спорт – это обязательно. Я его сам в каратэ записал. Он не хотел сначала, а потом втянулся. Там ведь не только нагрузки физические и общее развитие организма. Там еще и воспитание.

В общем, сыном своим я гордился...

Да, наш экипаж был первым на этой аварии. Там страшное дело, конечно. Машина, прошу прощения, просто всмятку. Этот вот, обвиняемый – весь в подушках и в крови. Хотя и ничего серьезного, вроде. А мальчишки все поломаны-побиты. Чтобы тела достать, пришлось резать кузов. Ни двери, ни окна – все всмятку, я же говорю.

Что? Обвиняемый? Да от него разило! И он сразу сказал, что выпивал в этот день. Еще что говорил? А кто его слушать будет? Протокол составили, схему нарисовали. Он подписал, и мы его отправили в больницу. Вот и все.

Ага, все по инструкции и по правилам.

А пацанов жалко, конечно. Это ж, понимаете, будущие отцы. И защитники наши будущие. То есть, могли бы стать защитниками.

Четверо пацанов... Эх...

Да, я был крепко выпивши. Мы в тот день с другом встречались. Он давно в городе не был, а тут вот получилось встретиться. Ну, вспомнили молодость, поговорили, кто и кого видел... Что пили? Водку, конечно. Самый мужской напиток.

А что вы на меня кричите? Ну, да, учитель я, и что теперь? Уже мне и дома выпить нельзя? Вы бы лучше на своих кричали раньше-то... Что меня спрашивают, то и отвечаю. Честно и откровенно. Да, пил. Да, с другом. Да, за рулем потом был... Ну, ладно – пьян. Был пьян.

Рассказать, как все было? Вот при них при всех? Ну, хорошо. Хорошо... Да уже рассказываю, не шумите!

День был хорошим, теплым. Экзамены закончились, отметки все выставлены. Завтра – суббота. А тут как раз друг прилетел на целую неделю. Он тут же мне позвонил. Я сгонял на машине за ним. У меня «аудюха» – пожилая, но еще на ходу. Встретились, закинули вещи домой. Потом заехали в магазин, закупились всяко. Все под разговоры, не слишком торопясь. Поэтому ко мне попали уже к вечеру.

Я поставил картошку жариться, а он овощи резал. Водку сразу кинули в морозилку. Сок – остужаться. Чисто по-мужски все было: картошка прямо со сковороды, нарезка овощей, соль-перец, лук-чеснок и все такое. Водка уже остыла, наливалась медленно и густо.

Ну, разговоры пошли, кто и что и как. Успели выпить пол литра.

В голове уже чуток звенело, но самый чуток. Мы же закусывали крепко, да и не пили залпом свой стакан. Так, по стопочке, по чуть-чуть, по полтинничку, по второму...

А тут, слышим, сработала сигналка на моей машине. Я из окна кнопкой отключил. Через пять минут – снова воем. Я снова – кнопкой. А она опять. Уже ночь на дворе, спят все, а тут моя машина надрыгается. Вот что бы вы сделали? Я так ключи взял, на улицу выскочил. Прямо вот, в чем был – в шлепках.

Нет, кататься никуда я не поехал. И ваш сарказм мне вполне понятен. все было совсем не так.

Я вышел из двери, вижу – тень какая-то у машины. Только хотел закричать, чтобы шел дурак куда подальше, а то ведь за себя не отвечаю. Да еще и друг у меня на кухне – услышал бы, помог. Но тут меня зажали, как в кино. Двое за руки взял крепко-крепко, а один – пнул... Ну, сами понимаете, куда пнул. Я ключи выронил, согнулся, но парни крепкие – потащили. У меня же ни крикнуть, ни охнуть – просто даже вдохнуть не могу.

У машины был Стрельников. Они его еще Дубом называли. Стали меня перед ним на колени ставить. Стали угрожать. Спрашивали, за что я Дубу поставил двойку, и ему теперь из-за меня этим летом пересдавать придется. А когда я попытался что-то сказать, Иващенко, ну, который у них за Атоса всегда, ткнул меня ножом в спину. Так, чуть-чуть, но кровь пошла, я почувствовал. А сам он, смотрю, какой-то взвинченный, дерганый. И вижу – ему это дело с ножом очень нравится. Он сразу мне еще и еще резанул. И просто вот прыгает вокруг, мол, дайте, я ему все объясню. Мол, он нам не только все расскажет, он сейчас в школу поедет и сам оценку переделает.

Было страшно. Потому что про него говорили, что целое кладбище животных у него. Мол, мелочь всякую пытается и потом закапывает за домом. Садист. Ну, дети же – ничего не скроешь!

Потом они меня били. Они умели бить. Было больно так, что только сипел сквозь зубы. И все думал, что же там друг, что ж он не выходит на помощь. А друг как раз придремал. После самолета, да после водки этой – сморило его в тепле и тишине.

Тут им стукнуло в голову, что действительно в школу надо ехать. Мол, у них все за одного, а потому они тут кого угодно – в хлам. Но другу помочь надо. Нельзя, мол, Дуба на переэкзаменовку. У него по дому дел много.

Иващенко сел сзади и все колотил меня ножом в плечи и в шею. Кольнет, надавит – отпустит. Кольнет, кровь пустит – отпустит. Я в зеркало гляжу, а он совсем уже мутный какой-то. Такой и убить может.

Что? Климов? Это вот ваш Портос? Он как раз и бил. Удар у него мощный. И знает... То есть, знал, куда и как бить.

Сели все в машину. Я пристегнулся. Справа был как раз Стрельников. Он сказал, чтобы я не боялся. Если все сделаем, как надо, так отпустят меня сразу. А у самого – тоже нож. Длинный и узкий такой. И я же знаю, что своих свиней он всегда сам бил. Да знаю, знаю, что на бойщика в семье денег просто не было, а мясом они теперь не берут... Но вот нож – был.

И эти трое сзади.

Поехали.

А они под кайфом, что ли. Быстрее, быстрее – кричат. И Иващенко, Атос ваш, кровей благородных, все сильнее и сильнее колотил сзади. Все плечи изрезал. И смеялся, что знает, как надо, что не истеку я кровью до смерти, что это все – для учебы. Чтобы, мол, знал учитель свое место и не рыпался.

Вот попробуйте вы за рулем, все быстрее и быстрее, и эти маньяки...

Да, маньяки! И не кричите тут! Я, как обещал, всю правду!

Тут вот кочка какая-то попала, что ли. Нож у него сорвался, похоже, и прямо по кости мне. Боль была такая, что в глазах почернело. Только и слышал крик – куда, падла – и все.

Очнулся уже в овраге. Ремень спас и подушки. А Стрельников не пристегивался. Он так и вылетел в окно, наверное. Ну, а сзади...

В общем, я теперь, выходит – пьяный убийца.

А дети ваши – голуби белые.

Да, решайте, что хотите! Мне тут все равно теперь не жить. Все равно куда-то деваться. Так хоть и в тюрьму. У нас же смертная казнь все равно под запретом...

***

– Это ведь ты все придумал, да? Сам придумал? Это же не взаправду все было? ты зачем такое страшное рассказываешь?

– Да, это я все придумал. А по-настоящему все было совсем не так. Они избили, отпинали своего учителя до бессознательного состояния, с гогом сели в его машину и поехали кататься по городу. Не справились с управлением, въехали в столб. Со смехом вывалились наружу, кинули ключи с моста в овраг – пусть поищет – и пошли по домам. Потом у всех была длинная жизнь, семьи, дети. То есть, не была, она и сейчас есть – эта жизнь. Иногда, редко-редко встречаясь случайно где-то здесь, они вспоминали эпизоды своей безбашенной и бесшабашной юности, смеялись, хлопали друг друга по спине – а он-то, а он, а ты ему раз-раз-раз, а он хр-р-р, а я – бац...

А учитель тогда долго лежал на асфальте. Друг, не дождавшись, выбежал. Увидел, вызвал скорую. Тяжелая черепно-мозговая. Перелом основания черепа. Полгода в больнице, потом

в другой. Инвалидность. Как, кто и почему – ничего не помнит. Это медики знают, что так обычно и случается после тяжелого сотрясения. Да ведь еще и ночь была. Темно. Когда друг к нему заходит – редко-редко – о том случае они не вспоминают. Потому что – о чем вспоминать? Это только в кино после случившегося друг проводит тотальную проверку и зачистку, и великую жестокую мстю. На самом деле все бывает гораздо проще.

В милиции дело осталось глухим висяком. Через пять лет списали в архив.

– А как же суд?

– Какой суд? «Висяк» – он и есть «висяк». Суд – это я придумал для художественности рассказа.

– Но ведь все знали?

– Это был маленький город, в нем все и всё знают. А учитель – приезжий. Вот и все.

Ненадежный

– А прямо до места нельзя было доехать?

Пашка пыхтел и злился. В жаркую погоду тащиться по пыльной грунтовке с полным рюкзаком, палаткой в чехле поверх него, спальником, принайтованном сбоку, да еще с двумя пластиковыми бутылками воды в руках – это как? Не считая еще всякого металла, навешанного спереди и сзади, и слева, и справа. Тут уж никакая разгрузка не поможет. Да и сама разгрузка с оттопыренными всякими нужными мелочами карманами была весом как полноценный бронежилет.

– От станции автобус только досюда ходит. А дальше пешком. Все равно кому. Хоть «оргам», хоть мастерам, хоть игрокам. Кто хочет – тот всегда дойдет.

Мишка тоже постоянно вытирал пот – то рукавом, то беретом, который давно снял и держал в руке. Кто-нибудь другой посмеялся бы: летом – и в берете! Есть ведь бейсболки. Шляпы разные бывают. Наконец, просто панама камуфляжная – и та легче и удобнее берета. Но Мишка везде и в любую погоду таскал свой черный берет. Он считал, что в таком берете похож на Че Гевару. Только пока без бороды и усов.

Девчонки молчали. Им тоже было жарко. Но все же груз у них был меньше. Как бы даже не вдвое меньше. Рыцари тащили за себя и за них. К тому же, говорили ведь, что идти тут совсем недалеко.

– Вон деревня, – ткнул рукой Юрка. – А вон сразу лес. Там и речка есть, искупаемся потом.

Деревня, как деревня. Нищая и убитая временем, дождем и солнцем. Черные бревенчатые дома с насупленными маленькими окошками-глазами. Недавно покрашенный ядовито-розовой краской вагончик с кривоватыми крупными буквами на вывеске «КООП». Пара крепких домов – там, небось, приезжие живут. Теперь везде живут приезжие. Покупают жилье, приезжают на лето. А некоторые и на весь год уезжают к свежему воздуху и здоровой пище.

– Здравствуйте, – обратилась вежливая Ирка к старику в полосатом старом пиджаке, курящему какую-то едкую дрянь на скамейке у дома.

– И вам здравствовать, – неторопливо ответил он.

– Скажите, скоро дождь будет, да? Или можно идти дальше? А то вон как парит.

– Да нет, – он пыхнул сизым дымом. – Дождя сегодня-завтра не будет. Кости-то не ломит.

И спина в полном порядке. Не будет дождя, значит.

– А что же там гремит тогда? – ткнул Пашка в далекий горизонт.

– Так у нас тут всегда гремит. Война, ить, она тихой не бывает.

– Какая война? – вскинулся Юрка.

И тут же загомонили все:

– Я же говорил, хреново будет без связи!

– Нет, что за новости, а? Как в книжке, что ли? Стоило куда-то уехать из дома на пару дней, так уже сразу и война?

Дед спокойно курил и рассматривал шумящих туристов.

– Так, а вы не на войну, что ли? Вон и одеты вроде по-военному, и армата разная, вижу... Так, что спрашиваете, когда и так все знаете?

Людочка умоляюще сжала руки у груди:

– Дедушка, миленький, с кем война? Мы же просто не знаем ничего! Мы же только сегодня из дома!

– Тьфу! С кем война, с кем война... С кем надо, с тем, стало быть, и война! Приехали тут... Эх! Туристы! – старик махнул рукой и ушел в дом, хлопнув дверью.

...

– А правда ведь, здорово гроыхает, – заметил, отдуваясь, Пашка. – А я ташу тут, бурчу, не слышу ничего. Ну, у кого айпадик-айфончик работает?

Связи не было никакой. А в деревне непривычно не наблюдалось проводов и столбов. Любых, даже самых старых, деревянных, побитых временем и поеденных древоточцем.

– У них тут и телефонов нет, похоже...

– Конечно, нет. И телевизоров. И компьютеров И вообще ничего нет. Куда ты нас привез, Юрко?

Юрка оглядывался растеряннo и отругивался не зло:

– Не привез я вас... Сами приехали... Еще другие приедут... Все по карте. Место в лесу хорошее – сам видел.

– Юр, ты лучше скажи – что делать сейчас будем? В лес пойдем или как?

Он посмотрел на часы: возвращаться обратно было поздно. Предлагал же всем выезжать с самого утра. Нет, возились, как обычно, до самого обеда. А теперь уже ни автобуса не будет до утра, ни электрички. И в лес на ночь глядя...

– Ну, устроимся тут пока. Как-нибудь...

...

«Как-нибудь» получилось только у того же деда, который будто и ждал их за дверью, когда они примут решение. В дом никого не пустил. Даже девчонок. Хмурился и не понимал намеков. А сарай во дворе на задах открыл. Внутри пахло старым сеном и сухим деревом. В узкое незастекленное окно под самой крышей вливался свежий воздух. И комары.

– Вам тут места хватит?

– Да, спасибо! Все же не в лесу...

– Ну, и ладно тогда, – отвернулся и ушел в дом.

...

Ужинали всухомятку, не рискнув разводить во дворе костер. В дом к печке уже не просились. Дед смотрел на них злобно и бурчал что-то нецензурное про «дезертиров» и «мамкиных вояк».

Над лесом поблескивали зарницы. Накатывался гул. Иногда вздрагивал пол, как в тех домах, которые стоят над линией метро.

– Да какая тут война, что вы! – переговаривались мальчишки. – Теперешняя война такая: ракетой бумкнут, и сразу – тишина. И все. А потом десантники пройдут, зачистят быстренько. А тут – вон как гремит. К дождю, наверное. В степи так бывает. Вроде, небо чистое, вызвездило, только полыхает где-то вдали. А потом как грянет!

– Да какая же тут степь? Вон же лес!

– Так, а за лесом тебе что? Конечно, степь. Там и грохочет, значит.

С тем и уснули, разделившись: девочки – налево, мальчики – направо.

...

– Эй, вставайте! – разбудил их стук в ночи. – Было полбеда, да теперь вся беда. И мчится уже к нам помощь, да где еще она? А нам бы вот только ночь простоять, да день продержаться. Ну, есть еще хоть кто живой? Ночь бы нам, да день...

Спали, как были, в камуфляже, по-походному. Поэтому выбрались из сарая быстро. Перед высоким военным стоял навтыжку старик. «Ел глазами», выкатывал грудь.

– Я всегда готов!

– Нет, дед. Твое время уже прошло. А вот постояльцы твои... Эх, хороши! Ну, что, помогите своим?

– А вы кто такой?

– Да я сам местный. Тутошний. Меня, вон, дед Пахом в детстве не раз крапивой стегал...

– А нечего за чужими-то яблоками! – тут же сварливо откликнулся старик.

– Вот. А теперь я – там, – махнул военной рукой в сторону далекого гула. – Нам там совсем тесно. Просто никак уже. Нам бы людей, хоть сколько. Понимаете, а? Ночь бы всего простоять, да день продержаться. А там уже и наши подойдут.

Он посмотрел на сонных ребят, взмахом руки как отделил девушек, будто отодвинул в сторону. И сам чуть повернулся, показывая, что не для них разговор.

– Девчонок не надо. Им еще рожать. Без них справимся.

– Чего это? – тут же возмутилась Ирка. – Как что, так сразу – в сторону? Нет, уж. Мы – как все.

Людочка мелко кивала, сдвигаясь к парням.

– А вот ты, – черный в ночи палец уткнулся в грудь Юрке. – Ты, гляжу, главный у них? Что скажешь?

– Да я бы с радостью помог. Тем более, «своим», – выделил Юрка голосом. – Только мне завтра народ встречать, организовывать все. Я же сюда не отдыхать приехал. Я же в оргкомитете, понимаете?

– Комитетчик, значит. Понимаю.

– А ты? Парень, ты здорово похож на Че Гевару. Ты не можешь отказать в помощи!

Мишка поправил берет, поднял подбородок.

– Если бы вот за них, – мотнул головой в сторону девчонок. – Или, скажем, за компанию со своими. А так – нет. Я тут нездешний. Проезжий, можно сказать. Ничего не знаю про всякие ваши дела.

А Пашка просто плюнул под ноги и шагнул вперед.

– Ну, пошли тогда, что ли?

– Паш, ты что?

– Пашенька, а как же мы без тебя?

– Старик, завтра ведь народ соберется – как играть без тебя будем?

– Да ладно, ребята... Сказано же – ночь всего простоять, да день продержаться. Ну, раз нет никого больше. Значит, моя очередь пришла.

Они шагнули в темноту и неслышно растворились в ней, будто и не было никого.

...

Утром пришли еще и еще игроки. Потом еще и еще подтягивались, как обычно проспавшие утреннюю электричку. Юрка раздавал задания. Выставили «регулировщика» на повороте. Чтобы сразу в лес всех поворачивал, не через деревню.

Место оказалось просто великолепным. «Оргов» хвалили за это. Тут тебе и холмик вроде небольшой. И река внизу чистая. И кусты разные. И поляна со следами костра – то есть, тут это можно, выходит – костры жечь.

Небо синее. Трава зеленая. Вода чистая. Земляника на склонах. Очень хорошо.

Только Пашка, гад такой, все испортил.

Без него играть было скучно. Не было главного богатыря с его огромным мечом. То есть, меч-то был, только он никому не подошел. Поэтому игру чуть переиначили, сдвинув акценты. Но на память себе записали, чтобы Пашку больше ни в одну игру не звать.

Ненадежный он оказался. Нельзя на таких полагаться ни в чем серьезном.

Пышки

– И-и-ирка-а-а! – в ушах зазвенело от звонкого крика.

Даже зачесалось в ушах. Ну, кто еще может так визжать, кроме Таньки? То есть, давно уже Татьяны, как там ее папу, Петровны, что ли?

– Здорово, Петровна, чего блажишь-то, как прямо не знаю...? – Ирка, несмотря на время года, была по-осеннему сумрачна и хрипло-басовита.

Она и в школе такой была – серьезной и даже суровой. А Танька – та балаболка известная. И блондинка к тому же самая натуральная. То есть, и волосами, и внутренним своим содержанием. И фигура у нее тогда была – ого-го. Секс-бомб, секс-бомб... Прямо вот про нее давнишняя песня. Не то, что сейчас, критически оглядела ее Ирка. Хотя, эх, кто сейчас не с такой фигурой? Годы – они же прибавляют вовсе не там, где надо.

– Да ладно тебе нудеть, подруга! Ты погляди, какая погода! Весна!

Погода была просто классная. Вчера прошел сильный дождь, помывший город и сбивший легкий летучий мусор в дальние углы. Теперь этот мусор лежал живописно по газонам, вдоль поребриков из блестящего сколами граней гранита, сметенный с черной скользкой мостовой утранными дворниками и смешными маленькими оранжевыми машинами.

Традиционно начало первого по-настоящему весеннего месяца мая было холодным, но солнечным. В воздухе плыл чуть уловимый запах огурцов – неподалеку толстая бабка в пуховом платке и сером ватнике продавала из пластиковой бочки свежую корюшку. Очереди к ней не было.

Подруги синхронно закурили, каждая своё, облокотились на парапет, глядя в отражавшую синее небо и яркие желтые дома медленно и тяжело текущую внизу воду.

– А помнишь..., – начали вдруг синхронно и рассмеялись вместе.

Раньше у них тоже так бывало, что одна и та же мысль вдруг приходила вдруг в голову. Бывает так: вроде, совершенно разные на вид люди, а думают иногда – слово в слово.

– А помнишь, как в «Пышечную» всем классом ходили на Первомай? Помнишь?

– Ну, не всем, наверное? Нас все же было тогда – ого-го. Под сорок человек...

– Конечно, ничего не помнишь. И еще отличница была, а память-то – никуда. Стареешь, что ли? Нас так много было, что в две очереди пришлось встать тогда. Я пошла налево, а ты – направо. И стояли потом у столиков в разных залах. Потому что тесно было. Но тепло-о-о...

– А вот в Москве наши пышки называют пончиками, представь, да? Пончики! Они там охренели в конце в столице своей.

Ирка научилась говорить разные грубые слова без всякой запинки, и не опуская глаз. Работа, чтоб ее так и туда и в другое место... Тут с мужиками за день так наговоришься, что и дома потом хрипишь, бывало, как пьяный матрос.

– Пончики – это же такие круглые, с повидлом! Вот! – сжала пухлый кулачок Танька.

– А они их пирожками называют. Те, что с повидлом.

Ирка в Москве бывала почти еженедельно. И всегда приезжала оттуда с головной болью от суеты и крика. Москвичи все какие-то шумные были. Спешили куда-то все время. И народа в Москве всегда слишком много. Хоть на улице, хоть в метро.

– А пирожки – они вот так, плоские такие, – сомкнула ладони, не выпуская сигареты, зажатой между двумя пальцами, Танька.

– У меня бабушка тогда делала классные пирожки. С картошкой и с жареным луком. И еще с рисом и с яйцом.

– Ага, помню, помню... Слушай, а пойдем-ка, что ли, в «Пышечную», а? Ну, не хочу я что-то в ресторан сегодня. Хочу, блин, детство свое вспомнить школьное. Молодостью тряхнуть, типа.

– Ты только, когда трясти начнешь, не просыпь песок, подруга! – хрипло хохотнула Ирина. А потом вместо ответа просто повернула направо.

В стороне от набережных было теплее. Не дул промозглый ветер с Финского залива, на котором еще не растаял лед вдоль берега. Не сквозило морозной свежестью вдоль каналов. И еще там было тихо. Шаг в сторону от Невского – и уже тихо.

Они одинаковым жестом синхронно откинули капюшоны модных курток. У Ирки под капюшоном обнаружилась хулиганская маленькая парижская кепка с пуговкой на макушке. У Таньки – берет художественной расцветки. То есть, такой расцветки, что просто словом каким-то назвать было невозможно. Старое «серобурмалиновый» тут не годилось. Химические цвета со страшной силой лупили по глазам, отбрасывали на светлые кудряшки какой-то нереальный киношный отблеск.

– Ну, ты, мать, даешь, – одобрительно сказала Ирка.

– А то! – гордо выпрямилась Танька, искоса поглядывая по сторонам. – Или мы не в своем городе?

В «Пышечной», которая не меняла вывески и ассортимента все то время, сколько подруги помнили себя, было не по-весеннему пусто. Странно пусто и странно тихо.

Они взяли по пять пышек («не объедаться пришли, а чисто для памяти!») и по стакану кофе, который тут варили в большой алюминиевой кастрюле и разливали черпаком, как в прежних столовых. Запах от такого кофе был точь-в-точь, как в детском саду. Вот тот самый кофейный напиток с молоком и коричневыми пенками. Тот самый, как в детстве.

На высоких мраморных столах стояли старенькие металлические салфетницы, в которые были воткнуты пачки обрезков грубой серой бумаги.

– Гля, – ткнула локтем Танька. – Все, как тогда!

– Блин, подруга, – чуть не пролив кофе, огрызнулась Ирка. – Ты бы поосторожнее, что ли!

Их голоса разносились по пустому залу и возвращались эхом.

– И не ори, не ори тут, – зашептала Танька, прихватив сразу промокшей от жира бумажкой первую пышку – кольцо из теста, щедро посыпанное сахарной пудрой. – Некультурно это – орать! Мы же с тобой, как-никак, жительницы культурной столицы, а не...

И так она это узнаваемо произнесла, так вдруг показала интонациями их давнюю классную руководительницу, что Ирка не выдержала и заржала в голос, вытирая ладонью нос и рот.

И сразу замолкла, глядя остановившимися глазами в дальний угол.

– Ты чего, чего? Подавилась, что ли? – засуетилась Танька.

– Цыц! – шикнула Ирка. – Глянь туда вон. Сзади. Только осторожно.

Возле углового столика в тени стояла странная пара. Парень был одет в самый натуральный плащ из болоньи, под которым был виден колючий толстый свитер домашней вязки. На голове у него был черный суконный беретик. А девчонка с толстой рыжей косой крутила в руках старинный пленочный фотоаппарат.

– «Зенит», – прошептала Танька. – У нас такой же был. Где взяли, а?

– Фрики какие-то, что ли... Смотри, смотри, как одеты.

Кроме болоньи и свитера на парне, на девушке привлекали внимание зеленая брезентовая куртка с рядом ярких значков над нагрудным карманом, и юбка из клетчатого тусклого штапеля. И длинные носки. И черные ботинки с тупыми носами. А у парня, наоборот, ботинки были остроносые. Но совсем не такие, как сейчас. Они были коричневые и на толстой черной «микропорке». Вот так это раньше называлось – «микропорка».

– Может, иностранцы какие-то? Стиль, может, такой... «Советик», типа?

– А говорят-то по-русски...

Там, в углу, тоже разговаривали. Совсем не громко, но пустой зал доносил каждое слово.

– Смотри, Саш, какие тетки странные. А берет-то какой, берет!

– Иностранки – сразу видно, – солидно отвечал Саша. – Они там у себя с жиру бесятся. А потом все равно к нам едут. Потому что у нас – культура, блин. Сейчас вот, спорим, выйдут на Желябова и пойдут наверняка к Дворцовой. Они всегда туда ходят. Ну, все, что ли? Поели, да?

И они пошли мимо замерших на месте Таньки с Ирккой.

И пахло от них совсем не так. И глядели они совсем не так. И за руки...

– Черт! – прошептала Ирка. – Это кто тут у нас в детство свое хотел? Черт-черт-черт. А ну-ка, пошли-ка...

Она схватила подругу за руку и потащила ее за молодыми, выходящими на тихую улицу. Танька все оборачивалась на свою тарелку, но ногами послушно перебирала, и они успели выскочить буквально сразу за парнем с девушкой. Те повернули направо, и пошли куда-то по осенней тихой улице Желябова, пиная на ходу яркие желтые листья и переговариваясь негромко. А Танька вдруг прислонилась к стене и руку правую – на сердце.

– Ой, – только и сказала.

– Ты чо, ты чо, подруга? – забеспокоилась, закудаhtала Ирка. – Ты смотри тут у меня! Может, таблеточку, а?

Танька только слабо помахала рукой, мол, и так выкарабкаюсь, а сама все смотрела, смотрела, смотрела... На желтые листья. На тихую улицу Желябова. На недалний Невский с редкими автомобилями...

– Что-то холодно мне стало. Пошли свои пышки доедать...

В зале слева за дверью было столпотворение народа. И очередь. И справа – то же самое. Пожилые и просто очень старые и совершенно седые парочки пили местный странный кофе, мечтательно зажмурившись, хватали серыми бумажками горячие пышки, и шептались восторженно, от чего стоял негромкий гул.

– А, ну-ка, назад, – Ирка руководила Танькой, как опытный дрессировщик. – Спокойно выходим.

На Большой Конюшенной было по-весеннему ярко. Солнце било в глаза, отражаясь от высоких витрин. Народ шел плотно по обеим сторонам улицы. Черные гладкие автомобили загораживали бортами проезжую часть. Вдалеке мигал светофор. Где-то на пределе слышимости играла гитара.

– Знаешь, что, – сказала Танька. – Что-то я уже и не хочу этих пышек. Пойдем, пожалуй, в ресторан. Пойдем, а? Выпьем профилактически. А то как-то знобит меня.

– Ну, так, ветер-то с Финского... Весна, блин, не лето жаркое, – щелкнула зажигалкой, отворачиваясь от вездесущего сквозняка, Ирка.

Они пошли налево.

А ровно через пять шагов обе синхронно оглянулись. Потом посмотрели друг на друга и рассмеялись в голос.

– А все равно никто не поверит, – сказала Танька. – Я и сама себе не верю.

– Ты, главное, одна за пышками сюда не ходи, ладно? – заботливо ответила Ирка. – А то здоровье-то уже не то, чтобы по всяким пышечным рассекать.

И они снова рассмеялись.

И кто бы из прохожих понял – чему смеются две солидные дамы, только что вышедшие из дверей под странной вывеской – «Пышечная»?

Дело на миллион

– Шеф! Свободен? Дело на миллион рублей!

В приоткрытую дверцу старой «шахи» заглядывал растрепанный и слегка запыхавшийся молодой парень. Хотя, приглядевшись-то, не очень он и молодой. Просто есть такая природа людей, которые в детстве выглядят солидно и немного старше своего возраста, а чем старше становятся, тем моложе выглядят. Как будто настоящий возраст все время где-то около тридцати – тридцати пяти. А этому... Кузьмич оценивающе окинул его взглядом: пожалуй, даже за сорок будет. Не парень давно.

– Ну, садись, раз сразу на миллион...

Кузьмич давно уже вышел на пенсию. У него льготная была – подземный стаж, горячий цех, «севера» всяко. Как только возраст подошел, и стаж совпал – сразу и ушел с работы. Не сильно-то, кстати, уговаривали его остаться.

Бывают такие люди, что вроде работают, работают, тянут свои обязанности, выполняют все чисто и аккуратно, так что не к чему прицепиться, а вот вздумай уйти – с радостью провозжают. И не то чтобы склочный какой или там с начальством ругался, или вовсе – пьяница. Просто – не удерживают таких.

А выйдя на пенсию и посидев пару месяцев дома, Кузьмич вдруг заболел. Молодой врач, приехавший по вызову, не стал колоть лекарства и выписывать рецепты. Он просто объяснил, что все болезни – это психосоматика. Вот такое умное слово он выучил на последнем курсе, видать. И все от этой самой психосоматики. Нет-нет, вы не псих, это совсем о другом! Организм, мол, привыкает к режиму, даже к самому жесткому и неудобному. И внезапная смена режима вызывает срыв. Психосоматика, ясно? Надо опять рано вставать, делать зарядку, выходить и работать. Режим нужен. График.

Вот Кузьмич, подумав, и начал «таксовать». Не так даже деньги были нужны, как занятость. Да еще такая, чтобы ни от кого не зависеть.

Он нашел – даже и не слишком старался, чтобы найти, в сущности – старшего на «точке», заплатил взнос, поставил мужикам «после работы». И влился, таким образом. Точка у него была на Калужской, недалеко от метро. Как раз там, где стоял народ у автобусной остановки, а позади нее кипели жиром вечно горячие куры на гриле.

– Куда ехать-то?

Пауза затянулась. Пассажир уже уселся, обстоятельно поворочался в кресле, огляделся и пристегнулся ремнем, подергав его для проверки.

– На вокзал! – ткнул рукой вперед.

Хм... На вокзал. Не местный, похоже. Не москвич.

– На какой вокзал?

– А мне все равно, – радостно улыбнулся тот всем своим молодым розовым лицом.

Похоже, все же парень, не мужик. Вон, розовый и гладкий какой. И зубы на зависть, как в кино...

Кузьмич потерял зубы на Чукотке. Там работал за неплохие деньги и за хороший стаж. Вроде и питания всегда хватало, и всякие деликатесы вроде икры и красной рыбы – вволю, а зубы пришлось прямо там, на месте, менять на золотые. Можно было пластмассу белую, но пластмасса была слишком уж нестойкая – народ жаловался. Это теперь вон керамику ставят, так она крепче даже обычного зуба.

Денег на желтое хватило, и теперь по улыбке Кузьмича сразу вычисляли «свой». За своего он был и у цыган, и у каких-то кавказцев, сразу пытавшихся заговорить с ним по-своему. Кузьмич хмуро такие разговоры сразу прекращал и молвил сурово:

– По-русски говори!

– Ай, маладец! Правильно! Язык знать надо! – тут же кричали чернявые «свои» с полным ртом «рыжевья». – Где зубы ставил? Э?

– Чукотка.

– Ай, маладец! Земляк! – и даже накидывали «земляку» чуть сверху.

«На машину» – смеялись.

А что с машиной? Купил еще по открытке, заработав за долгие полярные ночи. «Шестерка» была тогда лучшей. Да она и сейчас среди тех, что с ручной коробкой передач – не худшая. И надежность опять же. Все, что могло сломаться, ломалось в первый год эксплуатации, пока была гарантия. А потом уж Кузьмич и сам мог, где приварить, а где и просто на проволоку посадить. Машина ходит, кресла не дырявые, пороги не проржавели. Чего еще надо?

– Говори точнее, куда везти. Я так не умею – на любой.

– Ну, давай тогда... Давай на самый дальний, что ли. Вот отсюда, какой самый дальний – туда и давай, – широко улыбался пассажир.

Обкуренный, что ли? Или еще что... А, хотя – какая разница? Слева под сиденьем у Кузьмича лежала большая отвертка. А под левой ногой – монтировка. Он давно никого не боялся и опасался только за машину. Купить новую даже на свою не самую маленькую пенсию он бы уже просто не смог. А залезать в кредиты не считал возможным при своем возрасте.

На дальний? Это значит, на Савеловский, если ехать правой стороной. Раз о цене не спрашивает, значит, заплатит, сколько скажешь. Ну, поехали тогда.

– А что такой хмурый? – скалился пассажир.

– Чего?

– Ну, недовольный вы какой-то. Случилось у вас что? Или просто так?

– Просто так, – процедил Кузьмич.

– Или здоровье? – не унимался пассажир. – Почки и печень? Или спина? Угадал? Спина, да? Это все от вождения.

– От старости это, – буркнул недовольно.

– Да какая же старость в шестьдесят? В шестьдесят только жизнь начинается! Свобода, воля и покой. И никаких обязанностей.

– Шестьдесят пять! – выпрямился гордо Кузьмич.

Все-таки еще нормально выглядит, раз меньше дают. Да и сам не забывает рекомендаций врача, соблюдает режим и порядок, бреется регулярно и в парикмахерскую – раз в месяц, как по расписанию. Хотя, да – глянул он в зеркальце – седина не молодит.

– Шестьдесят пять! – уважительно присвистнул молодой. – Хотел бы я вот так, как вы, в шестьдесят пять-то!

– Все еще будет. И шестьдесят пять – будет.

– Правда? – обрадовался чему-то пассажир и даже засмеялся от радости.

Когда смеются от радости – это совсем другое дело, чем, когда от щекотки или просто из вежливости, чтобы начальству потрафить, старый анекдот вдруг вспомнившему.

Нет, все же надо его побыстрее довезти. Нефиг кататься с таким по городу. Вон, поговорить хочет, а Кузьмичу сейчас как-то больше тишина милее. А если побыстрее, то вот сюда... Потом по-во-рот, а тут чуть подрезать под истеричный гудок блестящей свежим лаком «дамской» машинки, свернуть во двор и выехать к арке.

– Ну, вот. Тут сразу три вокзала – выбирай, какой хочешь.

– Да ну? Вот тут – целых три вокзала? – опять заулыбался пассажир. – Это хорошо. Это просто здорово. Сел – и пое-ехал! – пропел он мелодично, отстегивая ремень и открывая дверцу.

– Э! Э! – очнулся Кузьмич. – А деньги?

– Ах, деньги! – хлопнул себя по лбу, уже выйдя, розовощекий. – Да, я же обещал! Ну, вот, держи.

И кинул на сиденье черный дешевенький дипломат с обтрепанными до желтого картона углами, хлопнув тут же дверцей и растворяясь в сером потоке куда-то вечно спешащих вокзальных людей.

Бомба!

Кузьмич замер. Сердце дало перебой. Но, вроде, обошлось? И никаких звуков из чемоданчика. И запахов химических. Да нет, не бомба это. Тьфу! Просто денег не было у мужика, наверное. Вот и скинул ненужную вещь вместо оплаты. Сколько такая рухлядь может стоить? И куда его теперь девать? Под инструменты если только приспособить?

Вздыхнув, Кузьмич развернул дипломат к себе, щелкнул замками, откинул крышку.

– Ё!

Кино снимают, что ли? Под крышкой, аккуратно оплетенные цветными банковскими бумажками, лежали деньги. Много денег. Очень много. Под самую эту крышку.

Ага. Как же, знаем мы такие дела. Он прикрыл чемоданчик и вырулил со стоянки, направляясь домой, на Калужскую. Ехал и чертыхался про себя всю дорогу. Точно ведь – либо телевидение эксперименты проводит, либо ментовка разгулялась, и чемодан фальшака ему кинули, чтобы проверить, как оно расходиться будет. О! Или еще хуже! Пробрало вдруг Кузьмича, и он стал внимательно следить в зеркало заднего вида за теми машинами, что сзади. Ведь это парень такой, как в кино. Улыбчивый, да ласковый. А сам-то – убийца, небось. Убил, да непростого. Такого, что теперь денег не считает. Что ему рубли? Тут доллары у него и евры разные миллионами за дело. А рубли – можно таксисту скинуть. И ответственность потом – ему же.

Кузьмич быстро вырулил с Профсоюзной, подкатил к старшему, который по вечерам сам сидел в черном небогатом, но мощном форде.

– Сан Саныч! Тут такое дело. Вот, – распахнул чемоданчик.

– Оба-на! Это как же? Потеряли, что ли?

– Сан Саныч, нельзя ли проверить – может, «грязные» они? Может, вляпался я тут по самое некуда сам не пойму, во что? Ну, вы ж меня знаете – я же всегда за порядок. И вообще...

– Да-а-а, – протянул широкий, как два сиденья своего форда Сан Саныч. – Порядок – это главное. Ты это, Кузьмич, оставляй все у меня и не беспокойся больше. Я, значит, сам разберусь, с правильными людьми посоветуюсь. А ты теперь не бойся ничего. Если что – возьму на себя. Ты ж подо мной ходишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.